

DOI: 10.31857/S086919080014533-3

КИТАЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ИЛИ ПРООБРАЗ ОТВЕТСТВЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕРЖАВЫ: ДИСКУССИИ О ЦИН В КНР И НА ЗАПАДЕ

© 2021

К.А. САНИН^а

^а – Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6317-007X; sanin.k.a@my.mgimo.ru

Резюме: В свете укрепления Китая в качестве одной из великих держав объектом исследований становятся распространенные в КНР представления о природе китайского государства и должном характере отношений с соседними странами. Учитывая, что руководством КНР провозглашена цель «возрождения» китайской нации, современные оценки исторического прошлого Китая позволяют по-новому взглянуть на перспективы внутреннего развития КНР, а также китайской внешней политики в Восточной Азии. Эпоха династии Цин представляет в этом плане особый интерес, так как к этому периоду относятся расширение территории китайского государства примерно до современных границ и переход Китая от сложившейся веками традиционной модели отношений с соседями к современному типу взаимодействия суверенных государств.

В настоящее время существуют различные интерпретации и подходы к пониманию китайских традиций во внешней политике, которые в значительной степени обусловлены отношением к современной позиции Китая на международной арене. В то время, как руководители КНР взяли на вооружение разработанную западными китаистами концепцию традиционного китайского миропорядка, множество исследователей на Западе ставят эту концепцию под сомнение и склоняются к описанию дореволюционного Китая в качестве одной из многих экспансионистских империй в Евразии. Такая точка зрения, в свою очередь, подвергается острой критике со стороны китайских авторов, потому что изображение Цинского Китая как одной из империй может в долгосрочной перспективе повлечь серьезные последствия не только для внешней политики, но и для государственного единства КНР.

В целях достижения своих целей во внутренней и внешней политике китайские руководители стремятся выстраивать исторический нарратив таким образом, чтобы он объединял в себе наиболее выгодные в современной ситуации элементы различных периодов китайской истории, при этом большое внимание уделяется истории Шёлкового пути.

Ключевые слова: Цин, империя, данническая система, Центральная Азия, международный порядок, многонациональное государство.

Для цитирования: Санин К.А. Китайская империя или прообраз ответственной глобальной державы: дискуссии о Цин в КНР и на Западе. *Восток (Oriens)*. 2021. № 4. С. 185–194. DOI: 10.31857/S086919080014533-3

CHINESE EMPIRE OR A PROTOTYPE OF RESPONSIBLE GLOBAL POWER: DISCUSSIONS ON THE GREAT QING IN CHINA AND THE WEST

© 2021

Konstantin A. SANIN^a

^a—Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6317-007X; sanin.k.a@my.mgimo.ru

Abstract: *In the light of China's rise, it is of great interest to consider the views that are widespread in the PRC on the nature of Chinese State and the proper mode of international relations. Considering that Chinese leadership has proclaimed the goal of "rejuvenation" of the Chinese nation, modern assessments of China's historical past allow us to take a fresh look at the prospects for China's internal development as well as Chinese foreign policy in Asia. In this regard, the era of the Qing Dynasty is of particular interest. During that period Chinese territory expanded approximately to its modern borders, and the relations with the neighbors underwent a transition from the tributary system to the modern Westphalian type of international relations.*

There exist various interpretations of Chinese foreign policy's traditions. Those interpretations are largely determined by the attitude to China's current behavior at the international stage. While the Chinese rulers have adopted the concept of traditional Chinese world order that is of Western origin, many Western researchers nowadays question this concept and tend to describe pre-revolutionary China as one of many expansionist empires in Eurasia. That point of view is subject to sharp criticism from Chinese authors.

In order to achieve their goals in domestic and foreign policy, Chinese leaders strive to build a historical narrative in such a way that it combines the elements of various historical periods, which are most profitable in the current circumstances, including the history of the Silk Road.

Keywords: Qing, empire, tributary system, Inner Asia, international order, multiethnic state.

For citation: Sanin K.A. Chinese Empire or a Prototype of Responsible Global Power: Discussions on the Great Qing in China and the West. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 185–194. DOI: 10.31857/S086919080014533-3

С приходом в конце 2012 г. к власти пятого поколения китайских руководителей во главе с Си Цзиньпином власти КНР выдвинули ряд политических инициатив, которые свидетельствуют о постепенном переходе Китая к новой модели отношений с другими странами. Масштабная стратегия по укреплению роли Китая в мировой экономике, обозначенная девизом «выход вовне», направлена на превращение Китая к 2049 г. в богатое, сильное, модернизированное государство [Ломанов, 2018, с. 8–14]. При этом во внешней политике важное место в обозримой перспективе отведено реализации инициативы «Один пояс, один путь» [Си, 2017 (1)], которая предполагает наращивание всеобъемлющего сотрудничества с соседними странами.

В статье приведен краткий обзор того, как современное развитие внешней и внутренней политики КНР отражается в интерпретациях истории императорского Китая и какие существуют подходы к пониманию китайской истории в Новое время.

УСИЛЕНИЕ КНР В XXI ВЕКЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Как отметил Дж. Эгнью [Agnew, 2010], в научных и околонаучных дискуссиях выделяются два основных подхода к рассмотрению вопроса усиления Китая. В рамках перво-

го подхода Китай рассматривается в качестве очередной державы, которая поднимается на вершину глобальной иерархии, и настроена на открытый конфликт с действующим мировым лидером, то есть с США. Такой сценарий развития событий обычно именуется «ловушкой Фукидида». Второй подход направлен на восприятие Китая как совершенно иного явления в мировой политике, которое связано с его культурным и историческим своеобразием.

Заявленная Си Цзиньпином цель «великого возрождения китайской нации» также побуждает внимательнее изучить исторические принципы внешней политики Китая в период его расцвета. Главный редактор авторитетного научного журнала *Journal of Contemporary China* Чжао Суйшэн [Zhao, 2015] объясняет важность изучения того, как в современном Китае интерпретируют историческое прошлое, тем, что в продолжающийся рост благосостояния и мощи страны в КНР традиционно описывается как «возрождение» [Си, 2017 (2), с. 31–35]. Политику Китая можно в определенной степени прогнозировать, исходя из китайского понимания собственного исторического прошлого, многие элементы которого КНР намерена возрождать.

На протяжении десятков лет в западной исследовательской литературе отношения императорского Китая с другими государствами описывались в рамках модели, получившей название «данническая система» [Fairbank, 1968, p. 21–53]. Согласно данной концепции, китайский император в силу своей принадлежности к цивилизации и наличия особых моральных качеств получал мандат Неба на управление всей Поднебесной. Сопредельные страны и народы, в рамках этой концепции, приобщались к цивилизации и являлись ко двору Сына Неба с «данью», становились его подданными и получали мандаты на правление. «Непокорных» варваров, которые не желали приобщаться к цивилизации, китайский император мог подчинить силой и таким образом «привести мир в гармоничный порядок».

Таким образом, в ойкумене вокруг Китая была выстроена иерархическая система, основанная на неравенстве и управляемая в соответствии с конфуцианскими принципами морали и ритуала. Формально, в рамках системы тянься Китай занимал центральное место (или полагал так) не по причине своих экономических или военно-политических возможностей, а как единственный источник цивилизации и культуры.

Разработанная Дж. Фэрбэнком теория «даннической системы» в значительной степени носит схематичный характер и рассматривает многие эпизоды в отношениях между Китаем и сопредельными странами как отклонение от нормы. Благодаря Чжао Тиньяну [Zhao T., 2018], который исследовал эту концепцию как один из возможных вариантов развития системы международных отношений, традиционная идея китайского миропорядка получила широкую популярность в работах о современной политике в Восточной Азии. Как утверждает Чжао, преимущество «даннической системы» заключается в наличии иерархической структуры и высшей власти в мироустройстве, что позволяет сглаживать множество потенциальных конфликтов. Этого преимущества нет у Вестфальской системы международных отношений, которая основывается на формальном равноправии субъектов и анархии.

Идея о естественном и благотворном состоянии неравенства в отношениях Китая с соседями отстаивается не только китайскими авторами. Американский исследователь Д. Кан отмечает существенное отличие Китая от других стран Восточной Азии с точки зрения размеров и потенциала, в связи с чем региональное доминирование КНР может рассматриваться как возвращение к исторической норме, которая была разрушена Западом в XIX в. Также Кан утверждает, что усиление КНР в последние годы побудило соседние страны не противодействовать Китаю, а стремиться выстроить с ним взаимовыгодные отношения [Kang, 2010].

Вместе с тем по мере того как руководство КНР всё больше опирается на комплементарную трактовку истории Китая, на Западе возрастает тенденция пересмотра такого восприятия традиционного китайского миропорядка. Подходы к описанию истории отношений императорского Китая с соседями в негативном ключе используются в качестве весомого аргумента для критики и дискредитации современной внешней политики КНР.

Концепция китайского миропорядка, которая была предложена Дж. Фэрбэнком в 1960-х гг., в последнее время подвергается критике и пересмотру. Так, профессор Йельского университета П. Пердью отмечает [Perdue, 2015], что Дж. Фэрбэнк писал свои работы вместе с китайскими учеными-эмигрантами, которые преимущественно выражали точку зрения партии Гоминьдан. В период Холодной войны они стремились показать, что революционный коммунистический режим в Китае установился не навсегда и в целом Китай на протяжении всей своей истории оказывал благоприятное влияние на окружающие его страны [Chiang, 1947, p. 27–43].

П. Пердью определяет «китайский миропорядок» как исключительно умозрительную концепцию, которая использовалась специалистами по китайской истории для простоты описания. Большинство стран, которые в Китае было принято считать частью даннической системы, никогда на самом деле не признавали сюзеренитет китайских императоров. Во многих случаях отношения в рамках «даннической системы» носили спорадический характер или состояли исключительно из торговли товарами, в которых нуждался Китай.

Политика Китая в Средней Азии, по утверждению П. Пердью [Perdue, 2005, p. 462–517], периодически носила агрессивный характер, что дает повод говорить о китайском колониализме в регионе. О захватническом характере политики империи Цин в Центральной Азии писали в период советско-китайского разрыва и советские историки, в том числе В.С. Кузнецов [Кузнецов, 1983, с. 5–12]. Если придерживаться такого взгляда на китайскую историю, в отношениях с более слабыми соседями и в своих методах расширения империи традиционный Китай мало чем отличался от других великих держав Нового времени.

Следует отметить, что среди китайских авторов также нет однозначно положительного восприятия «даннической системы». Отдельные исследователи [Ван, 2007] рассматривают эту систему межгосударственных отношений как досадное следствие внешних угроз и социальной структуры императорского Китая, которое стоило Китаю много ресурсов и в итоге привело империю Цин к поражению в борьбе с колониальными империями Запада.

Система отношений императорского Китая с сопредельными государствами стала предметом широкого обсуждения в качестве культурной, политической и экономической модели, на основе которой КНР могла бы выстраивать свои отношения в Восточноазиатском регионе в наше время [Номпот, 2020]. Вместе с тем, на наш взгляд, в дискуссиях о международной политике зачастую без внимания остается внутривосточный фактор в КНР и значение, которое исторические интерпретации имеют для него.

ДИСКУССИИ О ПРИРОДЕ ГОСУДАРСТВА ЦИН

В последние 15–20 лет в западных гуманитарных науках большую популярность приобрели так называемые *empire studies*, которые направлены на изучение культуры, политической организации, идеологии и других аспектов жизнеустройства колониальных империй Нового времени. Большое внимание в них уделяется сравнительному анализу, выделению общих качеств и тенденций, характерных для всех империй. Учитывая исторические условия образования крупных империй в Азии, важной темой исследований стала история государств, основанных кочевыми народами, и выработанные в политиях кочевников принципы управления [Darwin, 2008, с. 4–47, 487–507]. Интерес к азиатским империям напрямую

связан с изучением большого региона, часто именуемого «внутренней Азией» (Inner Asia), который простирается от Каспийского моря на западе до Синьцзяна и Монголии на востоке и от Казахстана на севере до Индии на юге [Di Cosmo, 1999].

В случае с Китаем в 1990-е и 2000-е гг. также появились новые подходы к изучению эпохи династии Цин, которая правила страной в Новое время и присоединила к Китаю его современные западные территории. Так называемая новая школа Цин (New Qing School) предложила новый взгляд на историю Китая и взаимоотношения китайской цивилизации с кочевыми народами Евразии. Для современного Китая эпоха династии Цин имеет наиболее важное значение среди всех династических периодов, потому что КНР не только почти полностью наследует империи Цин территориально, но и многие идейные основы современного государства и его внешней политики берут свое начало в позднем периоде Цин.

Основная особенность «новой школы Цин» в том, что исследователи, которых можно условно отнести к ней, рассматривают период правления маньчжурской династии как особый период в китайской истории, когда сам Китай был частью обширной многоэтнической империи во «внутренней Азии», в которой традиционная китайская политическая культура дополняла механизмы управления, характерные для государств кочевников. Постепенная китаизация Цин не подвергается сомнению, однако большое внимание уделяется именно особенностям Цин как правящей династии некитайского происхождения. Таким образом, основные послы «новой школы Цин» в том, что государство под властью династии Цин было империей, при этом маньчжурская династия была изначально чуждой для Китая, который был так же завоёван маньчжурами, как впоследствии Монголия и Синьцзян. В рамках этой исследовательской концепции империя Цин рассматривается не столько как один из периодов правления множества китайских династий, но преимущественно как одно из могущественных азиатских государств Азии, изначально основанных кочевниками, наряду с империей Великих Моголов в Индии, Османской империей и государством Тамерлана.

Наряду с историей маньчжуров и китайского государства в 1644–1911 гг. исследователи, которых относят к этой исторической школе, отличаются введением в оборот большого количества источников, в том числе документов на маньчжурском языке, географических карт и литературных произведений, использованием сравнительного анализа (сравнения с азиатскими империями Нового времени), а также изучением периферийных регионов Китая [Waley-Cohen, 2004]. К указанному направлению исследования истории Китая следует отнести работы американских авторов П. Пердью [Perdue, 2005], Дж. Миллварда [Millward, 1998], П. Кроссли [Crossley, 1999]. Благодаря наличию большого количества документов авторами достаточно подробно изучена политико-экономическая структура, в том числе механизмы государственного контроля и управления на приграничных территориях на западе страны, которые в наше время служат центром для продвижения инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) в Центральной Азии.

В КНР отношение вообще к понятию «империя» и работам «новой школы Цин» однозначно отрицательное. Американские авторы, относящие себя к этой исследовательской школе, официальной идеологией подвергаются жесткой критике [Кроссли, 2018]. Среди прочего, недовольство в Китае вызывает повышенное внимание авторов этой исторической школы к периферийным регионам КНР, что расценивается как подрыв единства китайской истории и современной китайской нации в исторической перспективе.

Одновременно в связи с реализацией инициативы ОПОП многие работы «новой школы Цин» встречают интерес китайских историков, в основном благодаря основательному изучению источников периода Цин. Например, доцента университета Шэньчжэня Цай Вэйцзе [Цай, 2017], который занимается исследованием истории Китая с точки зрения истории

кочевых народов, также можно отнести к «новой школе Цин». Тем не менее основные идеи, характерные для этой школы, не встречаются в Китае одобрения.

Весьма показательной в этом плане служит статья в издании АОН Китая сотрудника государственного комитета по изучению истории Цин Ли Чжитина [Ли, 2015], который приводит обширный ряд доводов и претензий против этой школы. Во-первых, отмечает Ли Чжитин, многие китайские ученые, начиная с 1950-х гг., посвящали свою деятельность исследованию истории и культуры национальных меньшинств на периферии КНР, благодаря чему введение в научный оборот документов на маньчжурском и других языках уже давно не считается чем-то инновационным. При этом основные претензии к западной точке зрения на природу династии Цин сводятся к пониманию взаимоотношений ханьцев и китайского государства с другими народами.

В исследованиях «новой школы Цин» общепринято понимание Китая в ту эпоху как империи, учитывая, что государство имело в своем основании универсалистскую идею власти (тянься) и охватывало огромные территории и множество народностей, которые зачастую были включены в состав страны в результате военного завоевания.

Дж. Миллвард [Millward, 1998, p. 35–44] в этой связи характеризует способ устройства и расширения государства Цин как «старый империализм», который более характерен для континентальных империй Евразии и отличается от европейского и японского «экономического империализма». Исходя из общепринятой в современном Китае концепции «века унижений» от европейского и японского колониализма, Ли Чжипин категорически отвергает определение государства Цин как «империи», ведь сам Китай в XIX в. стал жертвой империализма. Кроме того, такое неприятие идеи империи также хорошо соответствует отношению к империализму в социалистической традиции. По словам Ли Чжитина, единственным китайским историком, который определял Китай эпохи Цин как империю, был Сяо Ишань, однако его взгляд на эту проблему в китайской исторической науке давно признан «экстремистским» [Цуй, 2020].

Таким образом, тяжелое положение Китая после его включения в международную систему в 1842 г., борьба китайских революционеров и националистов против маньчжурской династии, проникновение в сознание жителей КНР социалистических идей, а также распространенные во всем мире либеральные концепции эпохи глобализации в совокупности сформировали в Китае крайнее отторжение идеи империи, даже в отношении истории страны. Пример отношения современных китайских авторов к определению Цин в качестве китайской «империи» дает дополнительное понимание, почему при продвижении за рубежом инициатив ОПОП и «сообщества единой судьбы человечества» китайское руководство стремится обосновать их, обращаясь к истории Шёлкового пути, и не уделяет особого внимания расширению китайского государства в Центральной Азии, Монголии и т.д. Расширение империи Тан в VII в. или Цин в XVI–XVIII вв. трактуется исключительно как обретение Китаем своих естественных древних границ, практически в отрыве от международных отношений с соседними странами.

Еще одним предметом недовольства китайской историографии американскими авторам «новой школы Цин» является изучение империи Цин как особого государства Нового времени в Восточной Азии, которое, по мнению упомянутых западных исследователей, по ряду признаков кардинально выделяется из общей истории китайских правящих династий [Rawski, 1998, p. 197–230]. Ли Чжипин полностью отвергает предположения о некитайской природе государства Цин из-за маньчжурского происхождения правящей династии и даже приводит в качестве довода президентство Б. Обамы, которые не сделало США менее американским государством. Ли также ссылается на мыслителя эпохи Северная Сун Ши Цзе (1005–1045), который писал, что «варвары» на севере и западе были вассалами Китая

при династиях Шан и Чжоу, до того как Цинь Шихуан покорил хунну и ди и построил стену [Ли, 2015]. По мнению Ли Чжитина, это подтверждает историческое единство всех народностей современного Китая, и тот факт, что окончательно в единое государство все территории были объединены только в эпоху Цин, ничего в этом не меняет.

Ли Чжитин также отвергает рассуждения о захватнической политике Цин в отношении соседних народов, прежде всего монголов, джунгаров, уйгуров. Он ссылается на записи истории царствования императора Юнчжэна (1723–1735), который сказал о «великом объединении» Китая: Цин «заложила основу у Восточно-Китайского моря, объединила все страны и всех людей, которые были внутри и по периметру страны со времен Яо и Шуня, правит Поднебесной. В мире знают, что Цин совершила великое объединение». Ли Чжитин подчеркивает, что идея «великого объединения» не была придумана маньчжурами для оправдания своей территориальной экспансии, а впервые упоминается в Хронике «Весны и осени» и относится к древним политическим концепциям Китая. Таким образом, в соответствии с официальным нарративом, территориальные завоевания Цин представляются не как имперская или колониальная экспансия маньчжурской державы, а исключительно как восстановление территориального и государственного единства китайской цивилизации.

Наконец, Ли Чжитин подвергает резкой критике представление о маньчжурах как о народе, чуждом Китаю до 1644 г. Ссылаясь на 24 классические династийные истории, он относит маньчжуров к древнему народу сушень, который согласно традиционным китайским источникам находился в политической орбите Китая еще во времена мифических правителей Яо и Шуня. В целом концепция о чуждости маньчжурской по происхождению династии Цин (и наряду с ней монгольской Юань) Китаю трактуется Ли Чжитином как однозначно антикитайская, потому что она использовалась японцами в период Второй мировой войны для обоснования разделения Китая и независимости от него марионеточного государства Маньчжоу-го. В целом события новейшей истории Китая, когда его территориальная целостность подвергалась серьезным угрозам (некоторые из них сохраняются до сих пор, преимущественно в Синьцзяне), заставляют китайские власти придерживаться нарратива, согласно которому Китай никогда не расширялся за пределы своих естественных границ, которые были заложены в глубокой древности и всегда охватывали все народы, населяющие современную КНР. Другими словами, согласно общепринятому в Китае историческому нарративу, Китай, несмотря на известную традиционную идею о власти императора над Поднебесной, является многонациональным, но в то же время не склонным к расширению государством. Наряду с отрицательными коннотациями понятия «империя» из этого следует, что народы, которые сейчас не входят в состав Китая, никогда ранее в него не входили ни в каком виде. Такая точка зрения на историю, с одной стороны, позволяет подвести идеологическое обоснование под необходимость сохранения территориальной целостности современного государства и в значительной степени снять опасения соседних государств относительно агрессивных намерений КНР. С другой стороны, такой исторический нарратив накладывает ограничения для обоснования, прежде всего для населения самой КНР, территориальной или военно-политической экспансии в соседние страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие различных подходов к пониманию империи Цин и традиционной модели отношений Китая с другими странами в значительной степени связано с тем, что история используется для описания современной политики КНР в международных делах и в периферийных регионах внутри страны [Homprot, 2020].

Исходя из целей сохранения единства КНР, территориальная экспансия Цин трактуется как не завоевание, а восстановление единства и естественных границ китайской нации. При этом в вопросах отношений Цин с другими народами, не входящими в состав КНР, китайская точка зрения акцентируется на мирном взаимодействии, которое малым странам зачастую приносило больше выгод, чем Китаю. Особого внимания удостоивается также ущерб, который государство Цин понесло от империалистических держав Запада и Японии.

В современной внешней политике инициатива Си Цзиньпина «Один пояс, один путь» выглядит единственным возможным вариантом для расширения сферы влияния КНР на основе исторических образов и новых политических концепций. Образ древнего Шелкового пути привлекателен для многих стран Азии тем, что подразумевает мирную торговлю и культурные обмены, а также не подразумевает политического господства Китая [Си, 2017(1)]. Хотя Китай и играл крайне значимую роль в древнем Шелковом пути, он не занимал на нем доминирующих позиций, которые позволяли бы контролировать других участников обменов. Например, как известно, основную роль в торговле играли купцы из оазисов Средней Азии, поэтому идея нового Шелкового пути и не вызывает отторжения в регионе. Инициатива «Один пояс, один путь» в значительной степени фиксирует мирный характер устремлений Китая, направленный на развитие экономического и гуманитарного сотрудничества.

В целом китайские теоретики внешней политики, которые развивают новые концепции, призванные обеспечить международное лидерство КНР, опираются преимущественно на традиционные политические теории Китая, а также на образ исторического Шелкового пути. К государству Цин как примеру сильного Китая больше обращаются, касаясь современной внутренней политики, в целях подчеркнуть единство исторической судьбы всех народов, которые населяют территорию КНР. В качестве исторического обоснования внешней политики на современном этапе история империи Цин практически не используется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

Кузнецов В.С. *Цинская империя на рубежах Центральной Азии, (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.)*. Новосибирск: Наука, 1983 [Kuznetsov V.S. *Qing Empire at the Borders of Central Asia (Second Half of the 18th – First Half of the 19th Century)*. Novosibirsk: Nauka, 1983 (in Russian)].

Ломанов А.В. *Проблемы внешней политики на XIX съезде КПК. Решения XIX съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений*. Отв. ред. А.О. Виноградов. М.: ИДВ РАН, 2018 [Lomanov A.V. *Foreign Policy Issues at the 19th CCP National Congress. Resolutions of the 19th CCP National Congress and the Prospects for Chinese-Russian Relations*. Ed. A.O. Vinogradov. Moscow: IFES RAS, 2018 (in Russian)].

Ван Цин (王青). *Чжунго чуаньтун дуйвай гуаньси дэ лян чжун моши – лии жэньчжи юй тиси цзегоу фэньси* (Две модели традиционных отношений Китая с другими странами: анализ понимания интересов и структуры системы (中国传统对外关系的两种模式 - 利益认知与体系结构分析). Диссертация на звание доктора философии. Университет Цинхуа. 2007 [Wang Qing. *Zhongguo chuantong duiwai guanxi de liang zhong moshi - Liyi renzhi yu tixi jieou fenxi (The Two Patterns of China's Traditional Foreign Relations – Interest Perception and System Structure Analysis*. PhD Thesis). Tsinghua University. 2007 (in Chinese)].

Кроссли Р. (柯妍燕). Во бу шу юй «синь цин ши» (我不属于“新清史”) (Кроссли Р. Я не отношу себя к «новой истории Цин») Пэнпай синьвэнь (澎湃) [Kejiaoyan: wo bu shuyu “Xin Qing shi” (Crossley P. I Do Not Belong to “New Qing School”. *Penpai xinwen (The Paper)* (In Chinese)] https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_2705137 (accessed: 23.10.2018).

Ли Чжитин (李治亭). «Синь Цин ши»: «синь диго чжун шисюэ бяобэнь» (“新清史”: “新帝国主义”史学标本). («Новая история Цин»: новый образец исторической школы «нового империализма») [Li Zhiting. “Xin Qing shi”: “xin diguo zhuyi” shixue biao ben. (“New Qing history”: New Example of the “New Imperialism School”) (in Chinese)] http://www.cssn.cn/zx/201504/t20150420_1592588_7.shtml (accessed: 22.10.2019).

Си Цзиньпин цзай «И дай и лу» луньтан фабяо чжучжи цзяньянь. (习近平在“一带一路”论坛发表主旨讲演). (Си Цзиньпин выступил с основной речью на Форуме «Один пояс, один путь»). Синьхуа. 2017(1) [Xi Jinping zai “Yidai yilu” luntan fabiao zhuzhi jiangyan. (Xi Jinping Presented the Key Speech at the “One Belt, One Road” Forum). *Xinhua*. 2017(1) (in Chinese)] http://news.xinhuanet.com/politics/2017-05/14/c_1120969677.htm (accessed: 14.12.2017).

Си Цзиньпин (习近平). *Цзюэшэн цюаньмянь цзяньчэн сяокан шэхуэй. Доцю синьшидай чжунго тэсе шэхуэйчжун вэйда шэнли* (Завершить строительство общества среднего достатка. О великой победе социализма с китайской спецификой в новой эпохе (决胜全面建成小康社会. 夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利). Дандэ шицзю дабаогэо сюэси фудэо байвэнь (党的十九大报告学习辅导百问). (Сто вопросов для изучения и комментариев к большому докладу XIX съезда Партии). Пекин: Сюэси чубаньшэ, 2017(2) [Xi Jinping. Juesheng quanmian jiancheng xiaokang shehui. Duoqu xin shidai zhongguo tese shehuizhuyi weida shengli (*Complete the Construction of a Middle-Class Society. On the Great Victory of Socialism with Chinese Characteristics in the New Era*). Dangde shijiu dabaogao xuexi fudao baiwen (*100 Questions to Study the Great Report at the 19th CCP National Congress*). Beijing: Xuexi chubanshe, 2017(2) (in Chinese)].

Цай Вэйцзе (蔡伟杰). Чжэнлунь чжи вай: «синь Цин ши» ю хэ синь цзиньчжан? (争议之外, “新清史”有何新进展?). (За рамками споров: что нового у «новой школы Цин»?) *Пэнпай синьвэнь* (澎湃) [Cai Weijie. Zhengyi zhiwai: “Xin Qing shi” you he jinzhang? Cai Weijie. Beyond the Discussions: What is New at the “New Qing School”? *The Paper* (in Chinese)] https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1587104 (accessed: 19.01.2020).

Цуй Чжихай (崔志海). *Вань Цин чжэнчжи ши яньцзю 70 нянь хуэймоу юйч жаньван* (晚清政治史研究70年回眸与展望) (Обзор 70 лет исследований политической истории Цин) [Cui Zhihai. Wan Qing zhengzhi shi 70 nian huimou yu zhanwang (*A Review of 70 Years Research of the Qing's Political History*) (in Chinese)] http://www.cssn.cn/zx/202005/t20200505_5121668.shtml (accessed: 01.06.2020).

Agnew J. Emerging China and Critical Geopolitics: Between World Politics and Chinese Particularity. *Eurasian Geography and Economics*. 2010. 51:5. Pp. 569–582.

Chiang Kai-shek. *China's Destiny and Chinese Economic Theory*. New York: Roy Publishers, 1947.

Crossley P.K. *A Translucent Mirror: History and Identity in Qing Imperial Ideology*. Berkeley: University of California Press, 1999.

Darwin J. *After Tamerlane: The Rise and Fall of Global Empires, 1400–2000*. London: Penguin Books, 2008.

Di Cosmo N. New Directions in Inner Asia History: A Review Article. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1999. Vol. 42(2). Pp. 243–263.

Fairbank J.K. *The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations*. Second edition. Cambridge: Harvard University Press, 1968.

Hompot S. A Discourse Analysis of Recent Mainland Chinese Historiography on the Sinocentric Tributary System of the Ming and Qing Dynasties (1368–1912). *Vienna Journal of East Asian Studies*. 2020. 12. Pp. 149–176.

Kang D.C. Hierarchy and Legitimacy in International Systems: The Tribute System in Early Modern East Asia. *Security Studies*. 2010. Vol. 19. Pp. 591–622.

Millward J. M. *Beyond the Pass: Economy, Ethnicity, and Empire in Qing Central Asia, 1759–864*. Stanford: Stanford University Press, 1998.

- Perdue P.C. *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Harvard: Belknap Press, 2005.
- Perdue P. C. The Tenacious Tributary System. *Journal of Contemporary China*. 2015. Vol. 24 (96). Pp. 1002–1014.
- Rawski E.S. *The Last Emperors: A Social History of Qing Imperial Institutions*. Berkley: University of California, 1998.
- Waley-Cohen J. The New Qing History. *Radical History Review*. 2004. Issue 88. Pp. 193–206.
- Zhao Suisheng. Rethinking the Chinese World Order: the Imperial Cycle and the Rise of China. *Journal of Contemporary China*. 2015. 24:96. Pp. 962–974.
- Zhao Tingyang. *Can This Ancient Chinese Philosophy Save Us from Global Chaos?* https://www.washingtonpost.com/news/theworldpost/wp/2018/02/07/tianxia/?utm_term=.7c1270021a7b (accessed: 04.03.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

САНИН Константин Алексеевич –
аспирант Института Дальнего Востока РАН,
Москва, Россия.

Konstantin A. SANIN, PhD student, Institute
of Far Eastern Studies of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia